

Станислав Малозёмов

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

Сборник рассказов и эссе

16+

Станислав Малозёмов

**Обстоятельства места.
Сборник рассказов и эссе**

«Автор»

2020

Малозёмов С.

Обстоятельства места. Сборник рассказов и эссе /
С. Малозёмов — «Автор», 2020

Читатель найдет в нём материалы на любой вкус. Я написал много юмористических рассказов. И часть из них поместил в сборнике. Кроме них предлагаю несколько эссе на житейские, философские и нравственные темы. В криминальных документальных рассказах – интересные расследования крупных, резонансных даже в советское время преступлений, совершенных в КазССР.

© Малозёмов С., 2020

© Автор, 2020

Горько

В деревне так говорят: – «Как свадьбу сыграешь – такую семью и получаешь».

Потому на селе женятся и замуж выходят весело, радостно. Гостей много – значит, семья крепкой будет. Ничем не взорвёшь, не сглазишь и дурной молвой не погубишь. Еды должно быть столько, чтобы в гостей она уже через пару часов не влезала, а самогона с водкой самый достаток – когда к концу свадьбы самостоятельно ходить могли бы только более аккуратные в общении со спиртным женщины и не знакомые с «дурман-питьём» малолетки.

Гармошки должны быть. Через древние проникновенные голоса их из прошлых времён на молодую семью благодать снисходит. Так старики говорят, которые всегда знают, что и когда надо сказать. В общем, много, всё не перескажешь, разных своеобразий и ритуальных обязательств у правящих свадьбой избранных. Кроме поставленного законно тамады на гулянье втихомолку «правят бал» отдельные граждане из числа познавших правила жизни до глубин глубоких.

И вот они с утра уже управляли всеми процессами, от правильной расстановки столов до украшения алыми лентами большой, уложенной дощатыми щитами площадки, куда сносили подарки приглашенные.

В общем, в конце сентября 1968 года, сразу после уборки урожая, в последнюю пятницу, собирались стать дружной, на любовь опирающейся семьёй, Илья Пилкин, комбайнер, и знаменитая на весь район доярка Нинка Мятлева.

Вот когда застольная свадьба уже началась – всегда все правильно и всё как надо. Без сюрпризов и неожиданных недоразумений. Когда положено – орут «горько», тосты произносят по ранжиру. Сперва самые уважаемые, потом родители, а после них уже нетрезвые односельчане. И музыка тебе во время, и драка – когда положено, и невесту воруют всегда в нужный момент. Строго по графику, Часа через два, кстати, потом находят слегка пьяную да весёлую и жених её выкупает. Всё на свадьбе деревенской здорово, от души.

А вот перед ней – суета безобразная, разброд, шатания и сплошные нестыкухи. Вот, скажем, Нинке Мятлевой платье подвенечное сшили за полтора часа до торжественной регистрации в районном Дворце молодоженов. Нинка с утра обильно поливала всё окружающее трагическими слезами в холле районного ателье индпошива первого разряда, а тётка её по отцу, Галина Аркадьевна, билась за правое своё дело с заведующей ателье.

– В квитанции, вот она, бумажка ваша, сказано, что готово будет к двадцать второму. А сегодня какое число, а? – прошибал обитую коричневой кожей дверь кабинета похожий на визг циркулярной пилы тёткин голос. – Вам с директором облбыткомбината хочется на его ковре поплясать в кабинете?! Так я организую вам это развлечение за полчаса. Это, конечно, если вы сейчас же не включите все свои потаённые резервные скорости, не найдёте быстренько заказ и через пару часов кралю нашу не украсите той моделью, какую мы с вами месяц назад выбрали! Излагаю доступно? Вот телефон Василия Степановича, областного вашего царя и бога.

Тетка Галина Аркадьевна потрясла открытым блокнотом перед носом заведующей, после чего всё прекрасным образом воплотилось в идиллию быстрого и качественного обслуживания. Подавленная темпераментом и уровнем знакомства Галины Аркадьевны, заведующая вместе с ней стала в темпе грандиозного аврала метаться от закройщиков к швеям, в кабинет для уточнений и снова по тому же кругу.

– К двадцать второму, значит к двадцать второму! – добивала тётка заведующую, Субботину Н.Г. Как докладывала табличка на её кабинете. – А вот как вы работаете, так племянница моя может запросто и без мужа остаться!

– Ах, вы мне ещё до свадьбы начали нервы грызть! – скажет жених наш. Вот такой парень, скажу я вам! А потом вообще со свету изничтожите! Тьфу, скажет, на вас! И прав будет.

От этих несуразных предположений Галины Аркадьевны жених, Пилкин Илья, сидевший там же, на подоконнике под сенью десятилетнего фикуса, нервно бледнел и мысленно грубо выражался. Но вслух произносил тихо, чтобы никого не отвлекать.

– Ну, ты ж глянь, чего она такое несёт, чего она, дура, лепечет! Это ж надо такое сморозить, что я из-за какого-то платья скажу «тьфу на тебя, Нинка, и на всех вас тоже тьфу!» Да по мне ты хоть в фуфайке регистрируйся! Какая разница!?

– Правильно, в фуфайке! – временно прекратила рыдать бегающая с тётками невеста. Как расслышала? Загадка. – Когда сам в финской тройке, по благу из города доставленной, то ты, жена без трёх минут, хоть в пододеяльник завернись с поясом от рабочего халата – сойдет ему. А люди что скажут? Что у Мятлевых для дочки денег нет на модель французскую, не всем доступную?

Вообще-то Нинка хорошая была, мягкая, культурная, покладистая и добрая.

Но тут же случай-то какой! Единственный в жизни! Регистрация брака. Торжественная! И гулянка свадебная с самыми распрекрасными гостями. Стресс! Нервы плаваются просто. Но, хорошо, заведующая оказалась умная, к доводам Галины Аркадьевны прислушалась чутко и дала указание – платье доработать в присутствии заказчицы и её, Субботиной Н.Г. Начальницы строгой и справедливой.

Тут же будущую супругу Ильи Пилкина начали всячески тискать в пределах трудовой необходимости три немолодых закройщика. Они вдоль и поперек по несколько раз изъездили сантиметровой лентой крепкую фигуру Нинкину, крутили её перед собой как пустой стакан вокруг своей оси и даже на табуретку её один раз вознесли. Так, видно, требовалось для ускорения шитья. Потом примерки пошли. Нинка с лицом ошалевшей козы, потерявшей родное стадо, носилась раз пятнадцать за бархатную ширму, где пряталось большое зеркало, после чего её ещё с часик перебрасывали от закройщика к портному, от него к вышивальщице, которая нитками такого же цвета делала снизу вверх красивые рельефные узоры. Потом – снова за ширму и опять – по кругу. Наконец, когда у всех, кто вершил красоту, да у самой Нинки и даже у Галины Аркадьевны и у жениха глаза вылезли на лоб от ожидания, старания и сотен перебежек – тожественное платье было готово.

В половине третьего молоденькая швея, возле машинки которой стоял воткнутый в кусок пластилина флажок с вышитым словом «лидер», мелкими стежками вручную прицепила прямо в начале декольте роскошный бант с розовым отливом, все счастливо заулыбались. Работники ателье, видимо, установили какой-нибудь яркий рекорд скорости качественного пошива. Жених с невестой светились как самые яркие звезды небесные – тоже понятно почему. А Галина Аркадьевна, тётка невесты излучала лицом радость, поскольку добилась своего и, главное, доброе дело сделала. А это с ней случалось довольно редко. А и действительно: радостной красоты и удивительно приятного фасона вышел наряд невестин.

– Я его потом подрежу, перекрашу в голубое и буду в нём с тобой в город ездить. В облдрамтеатр, – шепнула Нинка пока ещё жениху Пилкину Илье.

– Во, дурная-то! – ласково оценил мысль невесты Илья и пошел на улицу к машине, запутавшейся в лентах, бантах и воздушных шариках. Шофер отцовской «волги», он же – брат Нинкин Славик, упоительно дрых на заднем сиденье, схоронив лицо под газетой «Известия»

– Жениться мне, штоль? – с удивлением рассмотрел боевую раскраску машины Пилкин Илья и сел на живот другу Славiku. – Отдашь сеструху за меня, Славян? А я тебе свой мотоцикл покатаюсь дам. На целый час. А? Отдашь?

– Перетопчешься, – проснулся Нинкин брат, потягиваясь и складывая газету вчетверо. Чтобы почитать в свободное время. От всего. От работы, ото сна, свадьбы сеструхиной, да и других напастей.

Илья со Славиком выросли лучшими друзьями с самого горшочного возраста. В Алданском совхозе на улице Пушкина в домах двадцать четвертом и двадцать шестом. Отцы их тоже

дружили по-братски с войны. В пехоте в одном взводе – все четыре года. Не убило обоих и поехали они жить в деревню, где деда раньше жили и прадеды. В Алдановку. В совхоз Алданский. Это его с пятидесятых теперь так зовут. Между дворами не было забора и всё, кроме жён, было у друзей, прошедших без ран и смерти жуткие военные дороги, общее. От чего оба они испытывали гордость и удовольствие.

Славик с Ильёй были всегда вместе. Нинка, родившаяся на четыре года позже, обоих считала родными братьями с того дня, когда научилась ходить. И носило её всюду, куда решали пойти, поехать на велосипедах, поплыть на лодке или покататься между вагонами от станции Алданская до вокзала городка Шатёрск и обратно. Сообразила Нинка, что Илья чужой поздно почему-то. Годам к шестнадцати. В связи с этим внезапным открытием у неё на три года так испортилось настроение, что обиделась она на Пилкина за невольный обман и стала его презирать, ненавидеть и испытывать к нему острейшее отвращение. Она завела дневник и всё, что думала о лжебрате скрупулёзно туда вносила. Попутно все заметили, что стала Нинка дерзкой, ехидной и своевольной. Делала, что хотела. Родителям хамила мимоходом, а в школе хоть и училась хорошо, но учителей истязала тем, что злорадно и напоказ нарушала школьные правила. Губы красила, форму не носила, слушала на географии, например, музыку из транзисторного приёмника «Романтик», ну, и так далее и тому подобное.

А вот после девятнадцати что-то в душе неожиданно взорвалось, и открылось после взрыва Нинке неожиданное: настоящий брат Славик навсегда братом и останется, а вот Пилкин Илья, который ей никто и которого она презирает за всё сразу – вот он может однажды взять, как шутили в деревне, все свои ноги во все свои руки, и исчезнуть из села. Унесет его к чертовой матери какая-нибудь очередная комсомольская путёвка, которые райком комсомола пачками развозил по деревням. И Пилкина Ильи, ненавистного, больше никогда в её жизни не будет. Это открытие потрясло пока не успокоившиеся гормоны Нинкины, заставило их кипеть и через край выплёскиваться в виде града слёз, которыми она три дня подряд, не вставая, смачивала сено в стогу за сараем. А на четвертый день сила неведомая сбросила её с сеновала и унесла к Илье, который во дворе перетягивал цепь на велосипеде. Нинка полчаса говорила ему самые гадкие гадости, после чего иссякла, заплакала неслышно и без слёз, да и прижалась к Пилкину Илье. Постояла, собрала в горсть всю дерзость, накопившуюся за последние годы, и призналась ему в любви таким тоном, каким могут произнести суду самые трудные последние слова приговоренные к смертной казни.

А к свадьбе дело подошло как-то шибко уж обыденно. Вечером в предпоследнюю субботу августа отец Ильи Пилкин Николай Ильич помылся в баньке своей, приделся в модные бostonные штаны и поплиновую рубаху военного цвета «хаки», выкопал из старого тряпья в сарайчике бутылку столичной и пошел к Нинкиному отцу Гришке Мятлеву. Ну, это он только для него и мятлевской жены Варвары был Гришкой. С женой он жил, с Николаем под пулями бегал и на пузе ползал ниже колючки, сливаясь с песком, травой и грязью. А для остальных алдановцев Гришка был только Григорием Егоровичем, главным человеком в Алданском. Директором. Уважаемым за много лет и почти родным. Только Пилкину одному приходился он и не другом страшной, украденной войной короткой юности, и не соседом дорогим,

А второй своей половиной. И жена, с которой Мятлев жил в радость и с обоюдным удовольствием, никогда не возражала против такой расстановки приоритетов.

Вернулся Николай Ильич Пилкин через полтора дня, в воскресенье под утро. Он разбудил сына и, стараясь не уснуть стоя, высказался так:

– Иди, Илька, к своей и женись. Решенный вопрос. Это мы с Гришкой одобряем. Потому, что и любите вы друг дружку, и на морде у обоих нарисовано, что хотите вместе жить. Дом мы вам с Гришкой построим. Хотите – позади наших избышек перед огородами, а хотите – построим там, куда пальцами ткнёте. Ну, походи к Гришке и подтверди, что он не против.

Он не стал ответа ждать, а чтобы жену не беспокоить прошел в пустую комнату, где хороший диван стоял, упал на него и растворился в хороших, конечно, снах.

– Батя, прям сейчас и бежать жениться? – зевнул Пилкин младший, пытался снова уснуть, но благословление отцовское, ожидаемое, кстати, сон отшибло всё равно. – А к дяде Грише мне зачем? Не на нём, чай, женюсь. И вместо сна стал он размышлять, где лучше место для дома выбрать. С этими раздумьями он аж до самых первых петухов дотянул.

А дней за десять до свадьбы сели все за круглый стол у Мятлевых в светлице и стали составлять список гостей. Угрохали на это дело весь вечер, но гостей набрали где-то всего под сотню. Фильтровать народ было труднее всего.

– Райком, мать его, запретил руководству совхозов устраивать пышные праздники. Стукнет, не дай бог, кто-нибудь, что я половину деревни собрал, да и поеду на бюро получать пинков за нескромность и партийную расхлябанность. А так бы я мог и всю деревню собрать.

– Да, по шее получишь. Директор же, – огорчился Пилкин Николай Ильич. – И меня подтянут до пары. Хоть я простой главный прораб стройконторы.

Короче, решили кроме родственников и близких друзей своих да жениха с невестой позвать передовиков, парторга, председателя профсоюзного и комсомольского секретаря и уважаемых деревенских стариков.

– Правильно, – сказала Нинка Мятлева. – Как раз человек сто и набирается.

– А потом самоходом народ попрёт как водится, – развеселился Пилкин Илья. – Так что ты, дядя Гриша, один пёс, попадётся на разборки в райком!

– Чего радостный такой? – прикрикнула Варвара Мятлева. – Вот отменим к свиньям собачьм вам свадьбу и празднуйте её в городе, в кафе «Мороженое». Вам и на лимонад ещё должно хватить. Бутылки на три.

Все развеселились. Поболтали ещё часок на вольные темы да и разошлись довольные. Треть дела сделали. Теперь зарегистрироваться торжественно и свадьбу провести с размахом, чтоб гости надолго запомнили.

Утром женщины стали открытки пригласительные подписывать. Григорию из района зампред исполкома пригнал на Волге полную сумку хозяйственную. Там открыток чуть ли не тысяча была.

– Во даёт Сёма.! Провокатор! – Мятлев долго смеялся. – Думает, мы столько народа позовем, а меня потом на бюро! Вот жук! Хотя это он, видать, без задней мысли, от души.

Григорий Егорович раз пять перечитал список. Всё вроде бы нормально было в нём. Но какой-то нервный червь сомнения грыз душу и потому беспокойна была душа Мятлева, волновалась и тужилась подсказать хозяину, где он чего не додумал.

– Ё!!! – неожиданно он вкатил себе с размаха ладонью в лоб. – Ванина-то нет! Ванина забыли! Пиши, Варя, ему открытку! Нет, не надо. Я его лично по телефону позову. Это ж дорогой мне человек. Ангел мой хранитель. Не он бы, так..

– Гриня, угомонись! – Жена стукнула кулачком по столу. – Ты ещё на общем собрании расскажи, почему Ванин тебе дороже отца с матерью, упокой, господи, их души, дороже дочери да жены. Блин! Надо – звони иди. Но молча. Мы и так все знаем, что без Ванина агрономил бы ты сейчас в колхозе далёком и задрипанном. Если б, конечно, живой сейчас был..

Мятлев хмыкнул, пригладил волос и пошел в контору. Звать дорогого ему человека, действительно спасителя от беды неминуемой, на лучший из семейных праздников – свадьбу дочери.

Ванин, второй секретарь областного комитета партии – чин огромный по областным меркам. К нему на приём за месяц вперёд записываются. А в те годы, когда у Григория судьба резко крутнулась и понесла его вверх, сидел Ванин в кабинете председателя исполкома Покровского района. И это он после трех встреч с Григорием быстро сообразил, кто ему нужен в заместители. Да через месяц согласований забрал Григория Егоровича вот из этого самого директор-

ского кресла в Алданском себе под крыло. А директором Мятлев как-никак, а седьмой год уже вкалывал и давно себе место среди самых уважаемых занял. А Ванин так технично надавил на него, что Григорий плюнул, да согласился.

– Если что, вернусь обратно. Кого после меня посадят – уберут. Моё это место.

Прежнего зама своего попросил Ванин начальство забрать инструктором райкома. Послушный был зам, но глупый и без искры в груди.

Перевез Мятлев семью в Покровку. В большой райкомовский дом. Работать начал лихо, с задором и потому с Ваниным скоро сложилась дружба. Не вынужденная рабочая, а мужская, настоящая.

– И чего тебя на совхозе столько лет держали? – искренне изумлялся Ванин после пары рюмок коньяка в конце рабочего дня. – Ты же минимум – районный масштаб. Минимум! А то и в области запросто потянешь ляжку не короче, чем у завсельхозотделом.

Он действительно поражался тому как много Мятлев знал и мог. Реакции его мгновенной и точной удивлялся. Любое сложное дело Григорий исполнял так, будто кто-то сверху подсказывал ему на ухо – как и что.

И всегда светило бы над головой Григория Егоровича солнце ясное и ласкало безоблачное небо голубое. И перспективы манящие уже подогревались солнышком жарким и авансом забрасывали порции радостного тепла в душу. Но было так год всего. Ну, чуть, может, больше. А потом внезапно для него самого, совсем неожиданно для Ванина и всех приближенных, включая жену, судьба Гришина простыла, приболела, закашлялась до полного задыха и стало ей на время всё равно, что будет с хозяином.

И сломала Мятлева за год руководящая должность. Скомкала его охромевшая и больная судьба и выбросила из обоймы руководителей. Вбок, в сторону. Близко к помойке и отхожим местам. Да, впрочем, и многих других. Тех, кто не догадывался, что невинная с виду и обязательная в среде руководящей забава – беспрестанная выпивка, одним не даёт заболеть и утонуть в бутылке, а других превращает почти в калек. Безвольных рабов «московской», «столичной» и пятизвездной отравы с красивым именем «коньяк армянский пятилетней выдержки». Кого-то похожий набор после года искренней страсти к нему, гробил насмерть, кого-то просто опускал ниже колен тех, кто ещё недавно был позади по росту и хлипче перспективами. Мятлеву повезло, но относительно. Он не помер, а только опустился ниже всех пределов и с должности, как ни защищал его Ванин всюду, слетел.

И ведь как просто и легко оказалось уронить в грязь лицом даже сильного мужика. А Григорий и был сильным. Только вот, когда мотался он по хозяйствам с инспекцией или по другим делам, когда вопросы решал сложные на заседаниях и украшал собой всякие важные президиумы, то после них не принято было расходиться без обеда или ужина. Руководители всегда уходили куда-нибудь перекусить и «попить чайку». Это традиция была. Не блажь.

Не распущенность. Это было одним из незыблемых правил руководящего клана.

В те времена никто, наверное, не понимал, а, вероятно, что от учёных не долетали до народа утверждения, что алкоголь у кого-то почти ничего не меняет в организме, а многих прихватывает за горло как клещами и обращает в раба своего. Которого истязает, мучает, лишает всего, превращает в калеку. Но

сам клещи никогда не отпустит. И человек превратится в ничто. Которое не нужно никому. Кроме тех, кто догадается или выяснит у врачей, что пленник водки тяжело болен. И спасет его только медицина. Как и всех больных. С гастритом, почками и сердечной недостаточностью.

После «чайка», бывало, так худо становилось зампреду Мятлеву по утрам, что бился он лбом о стены, рвал на себе рубаху, не снятую на ночь, и клялся: ни в жизнь, никогда, ни с кем и даже в день Великой Октябрьской Революции не опрокидывать в горло первую рюмку. После

которой будет и пятая, и двадцатая. И боль всюду. В душе, теле, сердце, печени и совести, если она ещё оставалась через пару лет активного питья.

Но как пломбир под июльским солнцем таяли клятвы Григория Мятлева под обиженными взглядами «своих». Райкомовцев, тружеников исполкомов разных, директоров совхозов, давно знакомых ему по долгой и непростой хозяйственной работе. Застегнуться на все пуговицы и стать живым непьющим памятником означало одно. Человеческого дружеского контакта с деловыми, нужными людьми точно больше не будет.

И вот пришло время «Ч», которое уже нельзя было ни изменить, ни перенести.. Стал зампред Мятлев после очередных посиделок вынимать из портфеля рано утром бутылку, которую из дома с собой прихватывал, когда по совхозам ездил. Закрывал дверь в гостинице-люкс на ключ и «поправлял здоровье». Стакана водки сначала хватало. Он бодрел, свежел и был как пионер готов выполнить любой завет мавзолейного вождя Ленина В.И. Но потом стакана стало не хватать и дела приходилось вершить под шафе. А получались они уже не так четко, быстро и умно. Пили в любую погоду «на капоте», когда провожали до околицы Григория Егоровича из подшефного совхоза, заглатывали почти смертельные дозы в баньках после солидных совещаний. Многие после этого деловито работали, выделяясь из не пивших вчера только красными глазами. А Мятлев однажды пошел ночью, когда у одного парторга дома собрались после совещания «на чаёк», в нужник. И пропал. Искали его до утра и нашли в поле. Километрах в трёх от села. Трое соседей парторга рассказали поисковой бригаде, что в пять утра он ломился во все двери. Забыл, откуда пришел. Просил водки или самогона. Одному мужику, у которого дома спиртного не было, дал по морде, а последний, механизатор Проскураков, вынес ему четушку самогона, после чего заместитель главы района пошел в поле. Там он уснул, а когда его нашли, выпил самогон и обматерил всех совхозных руководителей за сволочное отношения к районной власти.

Кто стукнул в райком – неизвестно. Но после короткого разговора на бюро его тихо, без шума освободили. Ванин потом бегал к первому секретарю, в грудь себя бил, на поруки брал, клялся держать Мятлева под пристальным взглядом.

Но не уговорил.

– Бюро решало, не я, – сказал первый, не глядя на Ванина. – Пусть завяжет с этим делом, раз организм её, проклятую, не выдерживает. Тогда приходи. Самолично назначу. Обещаю.

И начал Григорий Егорович снова от печки плясать. Вернулись они с женой Варварой и Нинкой в Алдановку. Варькины братовья денег дали на стройку кирпичного дома из четырёх комнат. За месяц и построили. Переехали когда ещё тепло было, в сентябре. Ванин из райисполкома позвонил директору совхоза новому и сказал, чтобы ему привели Мятлева на разговор.

– Слушай меня, Гриша. Жить хочешь? – сразу спросил он. Не поздоровался даже. – Тогда езжай сейчас в город на улицу Пролетарскую, дом 17, кабинет номер девять. Там Алексей Свиридов. Неделю поживешь в гостинице. А Алёша поставит тебе семь специальных капельниц. От него уйдешь и никогда больше пить не будешь. Если, конечно, сам решишь.

– Решил, – ответил Мятлев. – Спасибо, Сергей Данилович.

– Я тут до тебя с директором перетолковал. Будешь работать вторым агрономом пока. А там видно будет. Не переживай. Выберешься. Поможем.

Съездил Григорий Егорович в город на неделю и вернулся другим человеком. Вернее – прежним. Каким был до взлёта в исполкомовское поднебесье.

Стал Мятлев окончательно выбираться из болота, откуда его вовремя потянули Ванин с Алексеем. Рюмку на праздниках поднимал. Но символически. За год глотка не сделал.

– Ну, у тебя воля, Гриня! – удивлялась жена Варвара. – Как у космонавта.

– Сравнила тоже! – радовался вместе с ней Григорий Егорович. – Никакой воли. Не хочу – не пью. И не буду. Воля тут каким боком? Выпил своё с запасом.

Агрономом он поработал с полгода, а потом Ванин перебрал его заведующим шестым отделением совхоза. После того как заведующий Фёдоров уехал к сыну в город. И здесь Мятлев за год сделал из отстающего зернового отделения лучшее по совхозу. За год всего.

– Ну, вот, а ты боялась, дурочка! – долго смеялся в телефонной трубке Ванин. – Орёл! Мужчина!

И через неделю директор совхоза ушёл в район управлять отделом в заготовительной конторе. А на Григория пришло из области обкомовское предписание-распоряжение. Назначить его директором совхоза. Два с половиной года всего прошло. Такая малость. Сел Григорий Егорович в своё кресло, которое новый директор не менял. Он вообще ничего не тронул в кабинете. Понимал, видно, что Мятлев сюда обязательно вернётся. Сел он, значит, в кресло, достал из правого ящика стола свой чернильный набор, пресс-папье, маленький портрет Ленина на откидной подставке. Поставил всё это туда, где раньше стояло. И заплакал. Хорошо, что не было никого. Засмеяли бы. Мужчины плакать не должны ни с горя, ни в радости. А тут как раз и Ванин позвонил. Поздравить.

– Давай! – сказал он – Дыши как дышал. А там видно будет. Ты всё же масштабный работник. Покрутись пару лет ударно – верну в район. Хотя самого меня через пару месяцев пересаживают туда, куда и взгляд не дотянется, и шапка свалится. Аж вторым секретарём обкома партии. Во как, брат. А ведь не просился, не намекал.

– Спасибо, – глотая перегородивший горло комок, произнес восставший из руин и пепла Мятлев. – Спасибо душевное, что не забыли обо мне.

– Так мужик ты толковый, – серьёзно закончил разговор Ванин. – Чего тебе пропадать по глупости? У нас у всех её полно. Только разная у каждого. Живи. Вкалывай. Меня не забывай тоже. Ну, привет семье!

Григорий стал чаще в район ездить. Крутился по всем серьёзным организациям специально. Изображал пустяковые потребности и просил всех подсказать решение. А на самом деле и надо-то ему всего было, чтобы все его увидели живым, здоровым, деловым как раньше.

– Пусть видят, что я в порядке. Хуже никому от этого не станет. Спасибо Ванину.

Пять лет прошло. Ванин правил всей областью, Мятлев держал совхоз в тройке лучших. Урожайми порадовал своими, качеством молока и свинины.

И прошлое утонуло. Григорий Егорович чуял нутром, как скребётся оно на волю, душу царапает, но рассуждал жестко.

– Это тебе, сука-водка, пожизненное заключение. Ты меня чуть не похоронила. А я, вишь ты, добрый. Упрятал тебя на задворки души, но пощадил. Убивать не стал.

В конторе Мятлев долго держал трубку «вертушки», настраивался. В обком звонить на самый верх – это вам не по-маленькому в сортир сбегать. Хоть и звонишь высокому, но другу, можно сказать.

Ванин взял трубку сразу. Обрадовался. А когда узнал, что Нинка замуж выходит, обалдел натурально.

– Да я же, бляха, её такой куклой помню. В кармане можно было носить! – Засмеялся он искренне, по-доброму.

– Я Вас, Сергей Данилович официально приглашаю ко мне домой на празднование свадьбы. Двадцать второго к восемнадцати часам местного времени. От имени молодых приглашаю и от жены Варвары. Вы запишите. У Вас столько забот в обкоме. Можно и запомнить.

– А вот на календаре и записал. Это получается – через десять дней. Постараюсь, Гриша, вырваться. Спасибо за приглашение! Ну, Нинка! Ну, коза!

Всё. Жди. Благодарю, что позвал! Ну, пока. Отбой!

Десять дней мелькнули как скорый поезд мимо стоящей на переезде машины. Мгновенно. И уже вернулись с регистрации молодожены. Совсем другие люди приехали. Взрослые. Семья. Муж с женой. Нинку уже не стесняло непривычное пышное одеяние и фату она сдви-

нула набекрень. Прекрасно чувствовал себя в образе мужа и Пилкин Илья. В голове его струились невнятные пока ещё мысли о семейном счастье, а карман пиджака топорщился от твердой корочки свидетельства о браке.

Тёща со свекровью носились вместе с молоденькими девчонками от пятнадцатиметрового стола, стоящего посреди двора под брезентовым навесом. Бегали они до кухни и обратно, путаясь под ногами у серьёзных электриков, делающих не просто освещение, а сложную праздничную иллюминацию. Потому на тёток и девчонок добродушно злились и покрикивали.

– Только сами не ешьте пока! А то народу не останется ничего!

– Кто ест? Сдурели вы, пацаны! – урезонила электриков Нинкина подружка Наталья, дожевывая кусочек окорока. – Нам нельзя. Мы ж на работе. Вы, смотрю я, лампочки свои не едите! А пора уже. Время ужина.

– Дура ты, Натаха! – радовались специалисты по электрификации. – Потому мы тебе дадим откусить только одну лампочку на сто ватт. Иди бегом сюда, а то прокиснет!

Весело было перед началом свадьбы. Радостно. Торжественно. Хорошо.

Славик, брат Нинкин, от души выпался на заднем сиденье «волги» пока буйствовала суматоха в ателье. Поэтому сил у него скопилось – девать некуда. И он тратил их на развешивание динамиков, из которых гостей будет заливать замечательная музыка. Магнитофон Славик пристроил возле розетки на крыльце дома. А вот динамиков всяких у него было штук пятнадцать, поскольку охмурил его пяток лет назад радиолюбительством совхозный кинемеханик и вдвоём они собирали то приёмники, то передатчики, из которых делали рации для механизаторов и даже спаяли натуральный радиоузел в клубе. Из него на весь совхоз местная библиотекарша вещала утром и вечером о новостях своих да районных. А так же о всяких предстоящих событиях. От дней рождения до коммунистических субботников по облагораживанию родимой Алдановки. Так вот Славик придумал так сделать, чтобы музыка на свадьбе не с одной стороны долетала до последних столов, а окружала гостей. Чтобы весь празднующий народ ел, пил и радовался за молодую семью, находясь внутри музыки. Чтобы проливалась она дождём прекрасных мелодий

Сверху, струилась снизу, как бы из-под земли, и как нежный ветер овевала народ с боков. Славика видели то на крыше, то на столбе возле ворот. Потом он залез в погреба – свой и соседский, поставил там по большому громкоговорителю, а в маленькие ямки, которые выкопал под столом и вокруг него, тоже разложил по динамику. Он радовался, что хватило провода и задумка реализовалась.

Вскоре пришли почти все деревенские собаки, которым ветер подробно доложил всю мясную кухонную программу. Собаки поменьше, суетливые и взволнованные сразу же стали беспорядочно бродить по двору, ласково заглядывая в глаза братьям своим большим и наступая им на туфли и босоножки. А крупные экземпляры такими глупостями не занимались. Они солидно расселись вдоль забора, подстелив под себя хвосты, и погрузились в спокойное ожидание. Они знали, что всем на праздниках огрызков достаётся столько, что хозяева их потом пару дней не кормят. Не лезет ничего в собак сразу после больших мероприятий с изобилием еды.

Мужчины возрастом от восемнадцати до семидесяти совместными усилиями истязали глубоко народную футбольно-хоккейную тему, а юные невестины подружки, не отвыкшие толком от школьной формы, торчали тонкими хворостинками посреди двора в неудобных пока «взрослых» платьях. Они как-то испуганно перешихивались и сверлили завистливыми взглядами незнакомую взрослую женщину в потрясающем наряде и с лицом подружки Нинки Мятлевой.

После четырёх, с опозданием в рамках приличия, дружно подтянулись знатные люди, передовики производства. Механизаторы и животноводы. Все были в костюмах, украшенных всевозможными значками, медалями, а Ляпин, выдающийся комбайнер, имел на лацкане орден «Знак Почета». Передовики пришли солидно. Молча. И лица их отражали внутрен-

нее состояние души. Состояние было уважительным и торжественным. Четверо из них несли огромную коробку, опоясанную почти по всей территории лентами. Ленты сходились в толстые пучки, зажатые в большие кулаки механизаторов. Они аккуратно приземлили коробку перед площадкой для подарков и все свободные от дел подбежали и прочли надпись: Телевизор «Рубин-102». В деревне было всего три телевизора. У Мятлева и ещё двух рекордсменов-хлебоборохов. Но Илья с Нинкой не собирались жить у Мятлевых, поэтому подарку этому были рады больше, чем другим.

В пять часов общий невнятный гул перешиб скулящий стон тормозов директорского «УАЗика», хлопнули дверцы и окрестности расцвели от серебряных переливов аккордеона. Это привезли клубного хударука Шевцова, присланного в совхоз по распределению, странного человека, который с радостью играл часами на всех больших праздниках, но ни на одном из них не выпил ни капли спиртного, несмотря на творческую натуру и душевную утонченность. Играл он часа полтора, ни разу не повторившись. Богатейший был у хударука репертуар.

Около семи часов вечера Варвара, жена Григория Егоровича, вышла из дома на крыльцо и крикнула сестре мужа, плясавшей что-то цыганское.

– Аркадьевна, мы тут все в доме. Родители, значит. Тебя не хватает. Посоветоваться надо.

Надежда Афанасьевна Пилкина, и директор Мятлев сидели с усталыми лицами за круглым столом, уперев локти в розовую скатерть, а кулаки в подбородок. Николай Ильич пристроился на подоконнике и сосредоточенно грыз ноготь. Варвара села рядом с мужем.

– Чего думаешь, Галинка-малинка? – спросил её брат Гриша. – Удобно будет начать без Ванина? Или обождём-таки ещё маленько?

– Да ты что, Гриня! – воскликнула Галина Аркадьевна, описывая круг невдалеке от стола. – Почти сто человек во дворе, да за забором двадцать. Жених с невестой целоваться хотят. Аж не могут уже терпеть. Там уже горько всем гостям-то! Да и нажарили всего. Остынет потихоньку. Надо садиться да начинать!

– Ну, допустим, они-то нацелуются ещё. Аж надоест. Жизнь вся впереди, – тихо проговорила мама Ильи Пилкина Надежда Афанасьевна. – Тут другой вопрос. Людей чего мурыжим? Свадьбы так не делаются. Бестолково. Полный двор гостей. И семья такая ж будет бестолковая. Ни уму, ни сердцу. Чего ждём? Большого начальника твоего? Шишку! Свадебного генерала! Да он, небось в областном театре премьеру с почетной ложи смотрит сейчас. Или в Москву срочно вызвали на ночь глядя. У них, у верховных, всё не как у людей. А мы тут над гостями измываемся. Не говоря уже про молодых.

– Он сейчас кем служит, Гриня? – Пилкин старший ноготь-таки отгрыз и выплюнул за окно. – Вроде как второй человек в области он теперь? То есть, занят под самое не хочу. Он, может, никак совещание со своими раздолбаями не закончит. Или с Первым секретарём великую думу в две мудрых головы думают

– Ага, как же! – вставила ехидно Галина Аркадьевна. – В сауне, небось, пиво пьют все областные командиры. Устали же за день. Горы сворачивали, реки вспять пускали. Умаялись.

– Вот ты, Гриша сам прикинь картинку, – Пилкин Николай разыскал на пятерне ещё один ноготь, чтобы погрызть. – Ну, будто не его пригласили, а тебя.

Ты ищешь и берёшь подарок, потом с трудом отбиваешься от неотложных забот обкомовских, прёшься почти за сто километров с улыбкой на лице, поскольку знаешь, что тебя очень ждут. Что гость ты почетный и долгожданный. Приезжаешь, а все кругом вдрызг, на столах объедки, парни по углам девок тискают, а молодые устали исполнять команду горько и удалились на время передохнуть. Одни объевшиеся собаки бегают и тётки-посудомойки. Во дворе – пьяные за столом, мордой в салаты воткнутые. Из трезвых только собаки вот эти и магнитофон на крыльце. Как себя чувствовать будешь? Почетным и долгожданным, или будто на тебя из окна ведро помоев вылили?

– Ты, Коля, прямоугольный такой! – обиделась на мужа Надежда Афанасьевна. – Как дверной косяк. Разве ж в еде да в питье дело? Он что, пожрать едет, накваситься до зелёных человечков в глазах? Он уважение Грише выказал, когда согласился. Гриша у него в долгу по самый похоронный оркестр. До гроба в долгу. Кабы не Ванин, то и свадьбы сейчас не было. И ты, Гришка, копал бы силосные ямы штыковой лопаткой на третьем отделении. Я, Варя, так говорю или нет?

И она поднесла к глазам краешек шелковой розовой скатерти. Не было платочка.

– Не, а я к чему клоню! Не слышите никто меня? Пилкин нервно отгрыз маленький кусочек ногтя и катал его пальцем по ладони. – Я ж к чему клоню? Обождем ещё! Невелики персоны, гордость тут свою как флаг над головами не носим. А Ванина обождать надо. Он – общее наше спасение как-никак. Да и времени – десять минут девятого всего. Сейчас подъедет. Чувствую.

Мятлев, директор, невестин отец, медленно поднялся. Подошел окну и уперся лбом в стекло. За окном было темно и прохладно. Сентябрь-таки. Перед собой вместо палисадника и вялых георгинов, да осыпающейся желтой акации увидел он просторную комнату, райкомовский зал заседаний. Стол, красной тканью покрытый, члены бюро на стульях. А в торце стола тогдашний первый – Шагалов. Он глядит из темноты в упор на Григория, стоящего перед бюро в позе виноватого и говорит зло: – Такую шваль как Мятлев мы на любой мусорной свалке найдём. А вот они, со свалки которые, партию и дело общее позорят. Исключать не будем тебя. Ванин упросил. Спасибо скажешь. Но от работы его заместителем мы тебя освобождаем. Есть кто против? Нет! Свободен, Мятлев.

– Черт знает что. Чего оно вылезло-то? – сказал директор, отворачиваясь от видения. Он размял пальцами виски. Сел. Закурил.

– Эй, да что вы все подурели одновременно? – весело заворковала Галина Аркадьевна, сестра Гришина. – Вот проблему слепили на ровном месте! Тоску развели. Похороны у нас или свадьба, черт возьми? Обождем и никаких вариантов! Все подождут. Делов-то! Пошли на улицу, пусть гости сами скажут – ждать Ванина, генерала нашего, или начать «горько» орать и хлестать водку под курочку в тесте? Ну, пошли, пошли!

– Во, шалая! – вздохнула Надежда Афанасьевна Пилкина, но тоже встала и пошла за всеми во двор.

А сестра директорская уже доходчиво разъясняла народу ситуацию. По её версии вышло, что уважаемому Сергею Даниловичу припасено первое слово и первый тост. Как крёстному отцу этой замечательной свадьбы. Потому, что это он упросил обком вернуть Мятлева на своё место. А то жила бы Нинка в Покровке, а Илья в Алдановке. И разошлись бы пути их и любовь не разгорелась. Да и ответит Ванин далеко не на любое предложение. У него их – мильён в месяц. А нам вот не отказал. Уважил. Подождать, в общем, надо! Как, народ?

– Одно слово – «надо»! – крикнул за всех передовой механизатор-орденоносец Косенков. – Мы и трезвые потанцуем – аж пыль столбом встанет. Да, девки?

– Ещё как попляшем! – хором подтвердили веселые женские голоса.

Славик врубил пластинку с фокстротом «Лисичка». Все, кто смог разбились по парам, а подружки Нинкины тоже стали ритмично топтаться посреди двора, смущенно хихикая и стараясь на ходу не слететь с высоких «шпилек».

В комнату, куда вернулись родители и Галина Аркадьевна, лениво вошли молодожены. Нинка швырнула фату на подушки кроватные, а Илья Пилкин расстегнул жилетку на финской «тройке», облокотился о косяк, закурил и стал разглядывать родных и близких.

– А вот без этих штучек, без экспериментов с высочайшими покровителями никак нельзя было?

Надежда Афанасьевна, мама Пилкина Ильи расхохоталась, показывая новые золотые зубы. – Ты вон смотри, чтоб твоя женитьба экспериментом не стала. Вот об чём заботься.

А взрослых, ответственных людей понимать учись. Без тебя уж серьёзный народ решил, что делать, не печалься.

– Ну, глядите сами. Ваши деньги, значит ваша и правда, – Илья выбросил к потолку толстое кольцо дыма и вышел.

В половине десятого Мятлев старший тоже во двор вышел. Народу, конечно, поубавилось, но не так чтобы опустел двор. Кто-то ещё за воротами анекдотами перебрасывался. Ржали человек десять. Не меньше. Только дружков Ильи не видно было.

– Да они к Самохину, к деду пошли самогону хлебнуть, – объяснил Пилкин. То ли муж, то ли жених всё ещё. – Придут после двухсот граммов.

Директор Мятлев остановился возле девственно нетронутого стола, взял из вазы светившееся изнутри янтарём яблоко, погрел в ладонях и волчком крутнул его между тарелками с закуской. Гости глядели на него молча. Понимающе. Врагов не было среди них. Враги по домам сидели.

– Ты, Григорий Егорыч, скажи, когда подойти, мы и подойдем к сроку. Да, мужики? – громко сказал старик Ромашин. Уважаемый. Отработал своё по первому классу. – Как он подьедет, ты к Сашке Прибылову пошли кого, так он нас всех быстро и оббежит. Тут же объявимся!

– Такое, понимаете, дело... Тонкое. Сразу всё не объяснишь, – подключился Николай Пилкин, отец жениха. Но на Егорыча не обижайтесь. Ему самому неловко. Но он Ванина позвал, а тот слово дал, что приедет. Вот Григорий наш и стоит как витязь на распутье. Направо пойдешь – неизвестно что будет. А налево свернешь – вообще ничего не ясно.

– Да чего уговаривать? Понимаем ситуацию. И Егорыча знаем как мужика слова. Обещал дожждаться. Вот и ждёт...

– Ты, Егорыч, Славку пошли к кому-нибудь из наших когда «генерал» прибудет. Долго ему на машине проскочить? А нам недолго и обратно собраться. Да, мужики? Да, бабоньки?

– А то! – крикнули все вразнобой.

В двенадцать часов ночи две старых семьи и одна новая сидели молча под навесом. Под фиолетовой лампочкой из гирлянды. От неё подал мертвенный мутный клин слабого света на жену молодую. Или на невесту. Она зевала откровенно, не прикрыто. А фиолетовый свет делал в эти мгновенья лицо её покойницы умиротворенным.

– Не, я не верю! Не может быть, чтобы он просто из вежливости тебе не отказал. Свадьба всё же! Событие. Да и слово своё такого ранга человек держать просто обязан. На кого ж нам, бедолагам, равняться? – Рассуждала Варвара Мятлева. – Ты-то с ним вообще как, Гриня? Нормально? В друзьях?

– Да нормально. В друзьях, – Мятлев ответил устало, грустно и стал рыться в карманах. Папиросы искал.

Ну, это самое! – поднялся Илья Пилкин, муж всё таки после ЗАГСа. – Нинка, слышь!? Брачную ночь всё равно бы мы без Ванина у изголовья и со свечкой провели? Верно? Хрена он бы торчал у нас в спальне? Потому скажу я, что свадьба, конечно, на сегодня накрылась, но первую брачную никто не отменял. А, Нинок?

Он взял Нинку на руки и унёс в спальню с хохотом и громкими поцелуями.

– Одно на уме! – фыркнула мама Надежда Афанасьевна. – Ну, дурной!

Ну, так а мне что, завтра поутряне народ собирать, или как? – спросил Нинкин брат Славик, накидывая большие полотняные куски ткани поверх салатов и фруктов.

– Само собой. Прямо с девяти и собирай, – Григорий Мятлев нашел-таки папиросы. Достал одну. Смял в кулаке и ссыпал пыль табачную под ноги. – Суббота же завтра. Только трём учительницам на работу. Так что можно прямо с утра. Погуляем пару суток. Не люди мы, что ли?!

Век свободы не видать

Вот снимают понемногу все запреты, и слава богу! Привыкнем. А то жили как дошкольники: туда нельзя, сюда не ходи, водку не пей, закуски не ешь... Произвол был, давление на личность. В результате – все серые, все одинаковые. До сих пор на красный свет смиренно стоим, уже не думая. Стоим и всё. Кто это зверство придумал? Кто меня спросил: хочу я, как свободный гражданин стоять, или я как раз в это время хочу продолжать движение?

Ну, раз пошло дело – запреты снимать – дойдут и до красного света. Сразу всё отменить трудно, это мы понимаем. Спасибо хоть за то, что уже отменили. Возле дома у меня, сколько себя помню, столб стоял с табличкой «Не влезай – убьёт!». Я с работы специально уволился, пятнадцать лет не работал, каждый день с утра до ночи торчал на балконе, всё ждал – ну хоть один свободный человек есть у нас в городе или нет? Ну, хоть кто-нибудь восстанет против ущемления наших гражданских прав? Ни фиги! Все послушные, дрессированные, подневольные.

Я боролся с режимом как мог. Со всего города я один на этот столб три раза влезал. И ничего. Не убило!

Да, я теперь инвалид первой группы. Да, зубов у меня сейчас только четыре, но на жизнь хватает. Руку, видите, заклинило: держится так, вроде я всё время голосую против... С головой ещё, правда, стало неважно – фамилию забываю, считать стал в последнее время всего до двух... Зато в последний раз полез – так после реанимации сразу стал свободно на китайском разговаривать. Сам ещё не врубаюсь, что говорю, но получается всё равно лучше, чем на русском.

А главное – комплекс неполноценности пропал.

Сейчас эту табличку со столба сняли – так, думаете, народ с благодарностью откликнулся на уважение? Никто кроме меня лезть на столб не хочет. А я хочу, но уже не могу. У меня ещё с ногами не очень стало. Одна ещё туда-сюда, только стоять на ней нельзя, а вторую ещё с первого раза электричеством начисто отшибло.

Но не в этом дело. Во мне появилось чувство внутренней свободы и я готов поделиться им с любым желающим, пока нам ещё не всё позволено и есть, что преодолевать. Делается это просто.

В прошлом месяце я на своей инвалидной коляске объехал полгорода и собрал человек сто энтузиастов. Мы написали плакаты, письмо в Кабинет Министров и сколотили митинг протеста возле одного склада. Там на проходной с самых «совковых» времён висела табличка «Посторонним вход воспрещён» и всегда стояла толстая тётка, верный часовой административной системы.

Мы выдвинули требования властям – табличку снять, тётку отдать под суд. Через день приехали умные люди из Кабинета Министров, парламента и ОМОНа. Тот, который из парламента, ничего умнее, чем «Вы с ума сошли!», сказать не смог. А который из Кабинета министров, молодец, подумал и приказал: «Наш народ нигде не может быть посторонним. Табличку снять, тётку, действительно, под суд, и всех пропустить на склад. Бог нам простит». ОМОН почему-то дружно перекрестился и всех нас пропустил.

На складе мы провели ещё два митинга. Один в защиту тётки от суда, другой – с требованием к властям объяснить людям, что спрятано от населения на этом складе, так как никто ничего не понял: всё завалено мешками, а в магазинах таких мешков нет вообще.

Через день пришли двое неизвестных и, не снимая противогазов, объяснили, что с сегодняшнего дня доступ в склад ядохимикатов открыт для всех и уже изготовлена демократическая табличка «Добро пожаловать!».

В общем, что интересно, нас не только не разогнали, как было раньше, а, напротив, всех развезли по больницам, каждого устроили под капельницу и две недели кормили совершенно бесплатно, пока не поправились все, кто не помер. И я через год всего выздоровел. Только есть

мне с тех пор нельзя почти ничего, организм не берёт. Но это в наше время даже к лучшему: и продукты искать не надо, и деньги будут целей.

Главный вывод на сегодняшний день я сделал такой: если каждый из нас вставит свою палку в колесо тупой запретительной машины, она остановится. Берите пример с лучших и мы сотрём с лица земли все запреты!

У меня был сосед. Вот такой парень! Настоящий борец. Он оказался единственным на нефтебазе работником, восставшим против десятка унижительных надписей «Курить на территории категорически запрещено!». Простой человек из обычной семьи, терпеливый, как весь наш народ. Но я с ним поговорил пару вечеров и настал конец его терпению! Он сказал твёрдо: «Всё! Поизмывались над людьми, и хватит!»

Жаль, нефтебаза у нас была на весь город одна, да и парня такого, как мой сосед, где ещё найдёшь?! Но похожие на нас с ним есть, значит, есть и надежда, что движение наше не засохнет. С радостью читаю сообщения в газетах о редких пока, но ярких фактах борьбы наших граждан за внутреннюю свободу.

Вот, буквально в позапрошлом номере написано о том, как один юный студент перебежал улицу на красный свет...

И радуется душа! Шагнул ведь человек через запрет, бросил вызов системе. И память о нём навсегда сохранится в моём сердце. Если оно, конечно, завтра у меня не остановится. Я теперь как раз с Минздравом борюсь. У них ведь что ни таблетка, то бюрократический шедевр: «Принимать строго по указанию врача по одной три раз в день».

Хватит! Откомандовались. Прошло время произвола! Купил сейчас двенадцать упаковок фталазола и десять бутылок желудочного сока. Выпил всё до капли за нашу свободу, закусил пачкой хлортетрациклина гидрохлорида и хорошо мне так, легко и свободно. Третий час ночи, лежу, гляжу на экран. Только что табличку показывали: «Не забудьте выключить телевизор».

Ну-ну... Как же! Разбежался...

Вот моя деревня

(«Путешествие в обратном я бы запретил.» Г. Шпаликов))

Через всю свою большую Родину, с южного конца её на северный, я сонно катился по старинным неровным рельсам вместе с дремлющим на ходу поездом № 43 из Алма-Аты в Кустанай. На родину с маленькой буквы. На малую, значит, родину. Ехал я туда в последний раз. Правильнее, конечно, должно быть, чтобы не в последний. Но как-то уж совсем неуверенно правильность эта чувствовалась. Без вдохновения и честного патриотизма.

Ну, а как чувствовалось, так и получилось. Десять лет после того трехдневного налёта на «край родной, навек любимый», который меня

выкормил, снабдил наглостью кота и орлиным бесстрашием юности,

признаками местного, слишком уж яркого провинциального колорита, замашками и манерами победителя, северной крепостью характера и настырностью дятла, пробивающего дырку в любом дереве. Да и в бетоне, если надо будет.

За жизнь, довольно – таки затянувшуюся, я наслушался со всех сторон от разных по силе духа людей о ностальгии. Одни натурально рыдали, вспоминая рынок в далеком своём райцентре, где продавали сахарную разноцветную вату и горячую кукурузу, и где они, малолетки, гуляли маленькой толпой по рядам и всё подряд пробовали, наедаясь бесплатно на пару дней вперед. Другие, с натугой скроив из лица маску рыжего клоуна и неумело кривляясь, вспоминали Москву. Туда их и сейчас какая-то сила впустую тянет не первый год уже. А рванули они из столицы в Казахстан с большими долгами и мелкими пакостями родственникам. Они

вспоминали ту Москву, в которой было куда лучше жить, чем с азиатами, если бы не долги эти немалые. А тут, в Казахстане, и искать их никто не стал. Не пришло в головы.

И ещё от разных знакомых, которых черт унес далеко от городка или деревеньки, где родились, слушал я и всхлипы, снабженные положенной по теме слезинкой, и мат-перемат о себе, идиоте, предавшем родные, хоть и неизвестные миру края.

А по мне ностальгия – это просто ноющее внутри чувство безвозвратной нехватки неожиданно улетевших детства и юности. И вот оно, болезненное чувство это, привязано к конкретной географической точке, в которой уместилась малая родина. Точка может быть и неказистой деревней, и городом-миллионником. И никакие события, упавшие в пропасть уже взрослой вашей памяти – ни размашистые стройки, ни повальное освещение улиц или смена плохого руководства на хорошее – никак и никогда не станут мучить вас ностальгическими страданиями.

Только детство и юность ранняя, только то, что было рядом с вами в то бурлящее время: дома-хрущовки, водопроводные колонки на углах, скверы, рынки, клумбы вдоль улиц, неуклюжие щиты с издевательским текстом «Храните ваши сбережения в сберегательной кассе», танцплощадки в парке, камни и грязь на фирменных отечественных дорогах, обитые белой жестью лотки с тетками, весело продававшими ливерные пирожки, да ещё и незабвенные любимые всеми автоматы с газводой.

Ностальгия – это тоска по закуткам за сараями или густым кустарникам, где друзья пацаны шабили первые свои папироски, стыренные у отцов. Это драки край на край, село на село, без причин, а просто потому, что так было всегда. Ещё деды ходили стенка на стенку. Ностальгия – это как яркое сновидение, в котором ты, шестнадцатилетний заморыш, героически тискаешь после кино прямо за клубом свою первую любовь Валюху, а она заливается хохотом, как на кинокомедии.

Но самое главное в ностальгической грусти, если ты уехал давно – это запахи. Все. Они не дают душе покоя нигде. Улетишь жить во Вьетнам – замучают и там. В Конго, не дай бог, занесет нелегкая – съест тебя и там тоска по запахам своего детства и юности.

Мы животные. Инстинкты наши не в состоянии подавить и нейтрализовать ни деньги, ни почет и слава, ни жена с выдающимися данными. Я бы утверждал, что запахи и звуки – это основа ностальгии. Тот маленький, узкий и тесный мир, в который ты появился жить, был пропитан запахами и звуками, каких больше нигде не бывает. Нигде. Только на этой твоей малой родине, на этом куцем географическом клочке. Каждый человек из твоего городка или села имеет тот запах, которого не замечаешь, пока живешь здесь. Воздух на родине твоей имеет неповторимый вкус и запах, настоянный на ароматах молочного завода, пекарни, дыма из трубы общественной бани или душистых опилок деревообрабатывающего цеха. Металлическая стружка даже самого маленького фрезеровочного цеха раскидывает непередаваемый словом вкус срезанного металла по ветру, скользящему в воздухе по всему городку. И ты не чувствуешь его, пока не вырастешь и пока не уедешь.

В детстве ты не слышишь звук своего города или деревни. Он фоном висит над всеми жителями, как детский конструктор, собранный из шума всего, что умеет шуметь, визга всего, что в принципе визжит. И из общего гула людских голосов, смеха, криков и ругательств, которые только в этой географической точке вот именно такие, и нигде в мире больше похожего звукового фона нет.

К чему я это так долго мусолил и написал много букв? Просто многие не так называют воспоминания о прошлом, о своей прошлой жизни совсем в другом месте. Путают и зовут эти воспоминания ностальгией. Запомните: ностальгия – животного происхождения. Она инстинктивна, подсознательна. Она не осмысливается. Так же, как, например, любовь.

Если любовь можно описать словами и осмыслить как событие – это уже не любовь, а простое желание иметь эту женщину. Или, наоборот, женщине – этого мужчину.

Чтобы от души пострадать и помучиться ностальгией – ради Бога – не надо ехать туда, где она казалось бы, утихнет, успокоится и уснет ещё лет на десяток. Почему?

Не спешите возражать. Вдумайтесь. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Ностальгия – это всего-навсего трепетная и изнуряющая игра воображения. Невозможно утешить душу именно тем прошлым, которое помнится и сидит в каждом нейроне. Нет того прошлого давным-давно, а вместо него есть тоже чьё-то, пока еще действующее ностальгическое прошлое. Но не ваше.

Я приехал в Кустанай сонным поездом №43 через два года после смерти отца. Решили с братом переделать могилу. Мрамор поставить, гранит положить вокруг надгробья. Ну и по мелочам: покрасить, дорожку к могиле крошкой мраморной отсыпать. Сделали за два дня.

У меня было ещё два дня для успокоения ностальгического приступа. Я взял у брата «жигуль-пятерочку» и поехал по местам детско-юношеской боевой славы. Сначала усмирение ностальгии пошло красиво. Я приехал к дому, где жил с семидневного возраста и впал в сладкую истому. Дом не изменился вообще. Ворота остались прежние, лет сто им. Корявые, некрашенные, с нелепым козырьком через весь забор и ворота. Но их не тронули, хотя дом был на пятерых жильцов, двухэтажный. Его, по-моему, даже не белили никогда и от старой побелки, которой уж 50 лет точно есть, пахло моим детством. И от ворот. И со двора тянуло тем же запахом старого рубероида, который покрывал до сих пор длинный дворовый сарай с пятью дверьми. Я глянул налево, в дворовый палисадник. Там моя бабушка в 1953 году посадила березку и учила меня её поливать. Когда мне было 17 лет – один пьяный прикурор со второго этажа эту березу спилил ночью. Просто так. Из-за неё он не видел двор соседа, с которым пил.

Бабушка сильно плакала и по вечерам шла в палисадник, наклонялась и гладила пенёк-обрубок так же, как гладила маленького меня. В свои 17 лет я был отлично тренирован, имел второй взрослый разряд по легкой атлетике. Так что, пошел и от всего сердца избил этого дурака. До красных соплей и лежачего положения.

Всегда, когда вспоминаю бабушку, вспоминаю березку. И наоборот. А в палисаднике всё так же совсем старая, за 80, тётя Оля сажала бархатцы, циннии и космею. И я их много лет уже сажаю у себя на даче. Их запахи и сам вид держат меня недалеко от начала жизни моей.

Вот так порадовал меня мой старый дом, хотя все взрослые, с кем я тогда жил, умерли, а их дети и внуки – разъехались. Напоследок, уходя, я попросил молодого парня из нижней квартиры оторвать старинный железный ржавый номер дома и название улицы, выдавленное на том же металле. Он без разговоров оторвал, потому, что чуть выше висел новый, из долговечного пластика. Этот номер сейчас у меня – единственная реликвия из прошлой жизни, не считая маминогo торшера и её альбомов с фотографиями.

Длинный сквер на три квартала с дорожкой вдоль желтых акаций тоже остался. Там, внутри сквера, меж веток гудели пчелы как и 50 лет назад, так же носились на великах по дорожке малолетки, так же пахла улица и всё такой же над ней висел шум средней школы № 14, где я учился, и воздух обнимал меня всеми этими шумами, запахами и фигурами старых домов и домишек, не тронутых людьми и не убитых временем. Меня обволакивали трепетным спокойствием мои родные домики, акации, запахи и тихий, тот же самый фоновый гул в святом месте моего детства.

На этом мои ностальгические утешения как топором обрубили. Из восемнадцати друзей детства и юности, с которыми начинали курить, бегать за девчонками, воровать яблоки из сада, росшего прямо за рекой Тобол, с кем плечом к плечу бились в дурацких драках с «наримановскими», не осталось никого. Один уехал в Челябинск, один в Германию, один – на Север, пятерых убили в разборках девяностых годов. Остальные спились и померли сами.

Потом я поехал в родную отцу и мне деревню Владимировку. Сорок км. от города. И там в прах испепелилась надежда загасить ностальгию. Здесь я рос. В основном летом. Ничего из того, что могло напомнить мне мою малую родину, больше не было. Озерцо посреди деревни

рядом с клубом и сельпо засыпали чем-то твердым, клуб снесли, сельпо, видно, развалилось само. Здесь почти всё рассыпалось и исчезло. И дома старые, чисто русские в землю вросли по самую крышу. И запах горящей травы, которую после предварительной распашки защитной полосы жгли вокруг огромного и уникального леса «Каракадук», спасая его от пожара, исчез.

Деревня эта была всегда казацко-немецкой. Из пленных немцев состояла и ссыльных казаков, жертв рассказывания. Казаки крепко пили и за хозяйством толком следить не могли. Пропали и лошади, и коровы, даже куры не гуляли по дороге. То есть и запах их пропал. И аромат конского навоза, вспоминавшийся как основной запах деревни – пропал. Родственники мои – казаки, вымерли почти все. Пили много. Сыновья в город уехали: к работе тянуло. Точнее – к деньгам за работу. На селе откуда деньги? Дочери в соседних деревнях мужей завели. Деревья, росшие красивой аллеей, высокие, раскидистые, соединявшие как зеленый коридор, две части Владимировки – спилили зачем-то. И немецкая часть стала видна со всех сторон. Дома там были целые, но другие, новые, из современных материалов. И оттуда пахло иначе уже. Там раньше играли на губных гармошках и днем, и ночью. На нашей, казацкой, стороне играли гармошки обычные и под них пьяными голосами пели всегда. Тоже в любое время суток. Всё это – от мычания коров во дворах, кудахтанья кур и рулад от всяких гармошек звонких, всё создавало звуковой фон Владимировки моей детской. А теперь прислушаться – тихо стало в деревне, люди вроде как онемели все. И трактора с бензопилами заглохли.

Я проехал всю незнакомую теперь Владимировку, не увидел ни цветов в палисадниках, ни ворот, связанных по казацки из жердей. Остановился на том месте, где стоял дом бабы Шуры, родственницы. Умерла три года назад в 95 лет. Дом её, самый старый в деревне, развалился, рассыпался. Торчали куски жестяной крыши и валялись рядом битые стёкла окон. Никто дом не сравнял бульдозером и, похоже, не собирался. Я минут пятнадцать походил вокруг развалин, выкурил две сигареты и почувствовал – как устал от ожидания радости встречи с детством и от разочарования одновременно.

В Кустанай вернулся разбитый и грустный. Подъехал к стадиону, где начинал заниматься и где выполнил норматив первого разряда в десятиборье. Пошел к центральному входу, хотел пройтись по рекортановой дорожке, дойти до сектора метания копья и посидеть на трибуне. Но на входе стояла охрана и постороннего не пустила. Я посмотрел через решетку. Не было рекортана. В глубине стадиона торчали два двухэтажных офиса. Трава на футбольном поле была искусственной, а вместо деревянных длинных скамеек поставили пластиковые сиденья разного цвета. Всё пахло иначе, не было звука струи воды из шлангов, которыми поливали траву на поле, не было запаха пота, который раньше никак не выветривался. Тренировки самые разные шли с утра до позднего вечера. Ну, выкурил я ещё сигарету и поехал к брату.

Брат предложил перекусить слегка и поехать в центр города.

Сказать, что я не узнал центра города Кустанай, где жил до призыва в ряды защитников большой Родины, значит не сказать ничего. Это был абсолютно другой город. Красивые фасады стеклянных зданий, фонтан в пруду с лебедями, какие-то незнакомые деревья и цветы, которые у нас никогда не росли, Просторные, как поля в степи, площади со смешными фигурами героев фильмов и сказок. Огромное и нелепое в этом месте колесо обозрения и много маленьких, огороженных плетнями уличных блинных, чебуречных и пивных. Красиво. Поражало вкусом хорошим и модерновым стилем.

Но это был не мой город. Это была не моя ностальгия.

Я улетел утром. И уже в самолете понял, что ностальгия – это болезнь души и ума. И сердца. Это она, болезнь, внушает, вдалбливает во всю твою внутренность, что всё постоянно в этом мире. Всё неизбежно. И если истосковался по малой родине, то приезжай и хлебай ложками успокоение и умиротворение от прикосновения к своему прошлому, к детству и юности. Через дома, улицы, запахи, звуки, теток с ливерными пирожками, автоматы с газводой, урны в стиле ампира и автобусы ЛиАЗ. Древние и уютные.

Это иллюзия. Застывший в памяти воображаемый виртуал. Обман зрения, слуха и нюха. Нет ностальгии, как возможности прикоснуться снова к тому же самому своему прошлому. Есть ностальгия как заболевание. Скорее всего – это одна из форм невроза.

Печально лишь то, что это не лечится. Да никто и не собирается лечиться от этой сладкой, но мучительной муки – ностальгии.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Это написал талантливейший поэт, не по годам мудрый и рано умерший Геннадий Шпаликов. Он тоже – моя ностальгия, которую уже точно ничем не вылечить.

Вся жизнь на ладони

Статистика знает вообще всё про всё. Но вот вы спросите её про человека, про жизнь его будущую, про всякие развороты и перипетии событий по дороге к славному или бесславному концу. Да или про то, допустим, сколько у нас бегают туда-сюда умных, а сколько дураков, так ни черта внятного не узнаете вы у статистики. Она всё учитывает, но ни во что не вникает. Не положено.

Есть ещё экстрасенсы, не прогоревшие пока на вранье и лавирующие внутри судьбы отдавшегося им клиента как мастера большого лыжного слалома. Но рано или поздно клиент устает от вязких как повидло и прозрачных как воздушный шарик видений ясновидящей и, не имея даже приблизительно верного результата, либо дают экстрасенсу по голове для стимуляции ясного видения, либо не дают денег, что тоже стимулирует экстрасенса колоть другого клиента ещё яростнее и совсем беспощадно.

Крепче всех за руль управления нашими судьбами вцепились хироманты. Люди они бесстрастные и бесстрашные, поскольку имеют ненаказуемую возможность лепить клиенту горбатого с любой конфигурацией горба, так как работают не виртуалом неосязаемым, а то и потусторонним, а с обычной рукой, точнее – с любой ладонью, на которой прямо-таки всеми узорами и бороздками поставлена гербовая, официальная печать твоей судьбы. Хиромант никогда не лепечет невнятицу типа «мне идет сигнал, что вскоре у вас всё изменится и будет не так, как сегодня»... У него перед глазами натуральный, сделанный природой материал, в котором каждый пупырышек, загиб, перегиб, тонкая линия или шишка под пальцем – это документ, заверенный Всевышним. Это уже исключает возражения клиента.

Но, главное, хиромантия – это наука. Кто-то когда-то так её нагло обозвал. А так как само мероприятие почти шутейное, вроде вызова духов вращением блюдца, то и пусть с ней. Называйся как хочешь, тем более, что продаются толстые и тонкие (для недалеких) книжки со схемами, формулами и портретами великих людей, уважавших хиромантию пятьсот лет назад..

В ней, как в науке, так и в практике – главное – не путать линии. Вот борозда ума. И хиромант тебе гладит её и утверждает что у тебя жутко много ума. Просто с ума сойти можно от того, сколько одному человеку отсыпали с небес ума. И тебе деваться некуда. Тебе не надо этому верить или не верить. Надо просто запомнить. А лучше записать для надежности. Потому как ум – это такая эфемерная штука: одни думают, что он у тебя есть, (включая тебя самого) а

другие – хоть ты все стены у него в квартире облепи цветной ксерокопией линии твоего ума с автографом нашедшего эту линию хироманта – сомневаются. А многие вообще грубо не согласны. Ну, дураки же. Разве можно переть буром против убедительной науки? Чему и кому тогда доверять?

Ну, вот же у тебя линия любви, изрытая шрамами разлук и тупых пролётов мимо. У неё глубина – таракан из неё не вылезет, если линия ума даст добро таракану туда засунуть. Это о чем говорит? О том, что охмуришь девчонок, начиная с 5 класса и посещение секты «кому за 40» с целью свалить в койку тётку, у которой в койке сто лет и конь не валялся – это не развлекалка для твоей жгучей физиологии, а любовь. Любовь, вам говорят! Вот линия. Природный документ.

Или вот бугор Венеры! Испещрен полосками, образующими клетки и ещё более замысловатые фигуры. Места живого нет на бугре. Следовательно, это официальная справка о том, что перелюбил ты в худшем смысле этого благородного слова всех, кроме английской королевы. Да и то – пёс его знает. Там у них секреты умеют хранить, в Скотланд Ярде.

Ну да ладно. Счастье, как жизнь показывает, и не в уме, поскольку его приткнуть сейчас некуда, да и не в любви, от которой кроме горя расставаний и детей нечаянных – нет результата. Счастье, оно в самой жизни. Вот живешь полтинник лет, а то и более того, а не помираешь. Счастье это? А как же!!! Не для всех, конечно, но для тебя самого – однозначно. Одной хиромантке при обследовании моей линии жизни стало плохо, истерика её прихватила и душевный надлом. Потому как она впервые видела живого мужика, который 382 года уже просуетился на земле, а линия жизни сползла с ладони, прошла через всю руку, плечо, спину и закончилась там, на чем я сижу, постоянно эту линию придавливая. А то бы она и дальше пошла. Получается, что жить мне ещё минимально 7,5 десятых тысяч лет, сказала хиромантка. А если я начну со стула вставать почаще, хотя бухгалтерская работа этого не поощряет, то могу вообще жить на одной площадке вместе с Кашеем Бессмертным.

.Так что главное у человека – не сама голова. Не любовь, не сердечность, верность или этот, как его? – ум! Главное – ладошка.

Я одного мужика знаю. Фаната хиромантии. Так он с утра до вечера кулачки сжимает и разжимает, сжимает и опять разжимает. На ладошках гвоздиком аккуратно линии продляет и углубляет. Вот у кого линия ума! Ему бы ко всему ещё и самого ума добавить – ну вылитый бы был нобелевский лауреат! Или вообще главбух на пивзаводе!

Ну а чего бы и не помечтать?...

Вы арестованы!

Сегодня в морге ночевал. Честное слово... Кто меня туда принёс, когда, зачем – не помню. Вот и номер мне на пятке там написали – 750. Сколько вчера выпил, такой и номер. Я у санитаров утром спрашиваю. Я говорю:

– Парни, а как вы догадались, что я вчера принял всего 750?

А они прямо такие гордые, что в морге работают! На вопросы не отвечают, прикидываются, что им срочно по делам бежать надо. Я только рот открыл, они развернулись и убежали.

Ну, я тогда думаю: чего лежать-то на железе, простыну ещё. Пойду, думаю, к Николаю. Николай – это братан мой. Позавчера познакомились. Вот такой мужик – золотые руки. Пробку с пива отстреливает буквально щелбаном!

Мастер! Мало уже таких осталось. Вымирают как из пулемета – очередями.

Не берегут у нас мастеров. Ну, так вот. Думаю, пойду сейчас к Кольке, к братану, снова прочитаю вслух свежие газеты и на работу.

Выхожу из морга, смотрю – за мной ещё один мужик тащится. Рядом лежал. Вообще синий весь. Я говорю: – Ты, земляк, если пить не умеешь, лучше сразу пойдёшь и подшейся. Ты, говорю, глянь на себя – весь синий к чертовой матери...

– Да нет, – говорит. – Это потому, что я тут уже трое суток лежу, как дурак. Меня, говорит, вообще-то машина сбила насмерть. Завтра после обеда похороны.

Я говорю: – Ну, ты точно дурак. Такой день! Похороны! Это ж раз в жизни бывает, а ты никого не предупредил и сваливаешь. Завтра, говорю, народ на поминки соберётся, родные с близкими. Людям такой шанс – выпить на халяву – а хоронить некого. Ты чё? У тебя совесть где? – говорю.

Он чётко отвечает: – Ну, я прямо не знаю, что делать. Прямо по-дурному как-то вышло. Мы с женой, понимаешь, пошли к её такой-то матери на праздник. У её такой-то матери юбилей был – пять лет как мужик сбежал, мой тесть. Так она всё никак не нарадуется. Отметили по – людски. Тремя поллитрами. Её такая – то мать даже провожать нас пошла, когда отпраздновали. Вот мы идём гуськом, я, значит, впереди ползу, как разведчик, а они сзади, как танки. Только начали через дорогу переправляться – я лёжа, а они сзади на полусогнутых. А тут, блин, слева машина!

Жена кричит: – Лежать! Не ползти!

А тёща говорит: – Если он мужчина, то проскочит.

Вот мог я себе позволить, чтобы тёща оказалась права? Не мог! Я мужик или кто!? Назло ей не проскочил. Ну, жена сразу испугалась за мою жизнь. – Может, – говорит, – его, козла, сдать в больницу? Там его на операции и прикончат!

А тёща как заорёт: – Да ты что, дура! Такой счастливый случай, когда ещё так повезёт? Давай лучше сразу в морг!

Больше ничего не помню.

Я тогда этому мужику говорю. Слушай, говорю, земляк, а я вчера случайно не с вами праздновал, нет? У нас с тобой всё совпадает. Я тоже ничего не помню. И номера у нас на пятках один за другим. У меня – 750. Без одного стакана- литровка.. У тебя номер ровно пол литра – 500. Просто у тебя в организм меньше входит, а результат тот же. Но как в морге угадали – сколько мы приняли? Загадка.

Мужик заплакал тогда весь и говорит:

– Все несчастья, все беды от женщин идут. Если бы они, – говорит, – мне вчера сказали, что ты где-то тут, вместе с нами за столом сидишь, если бы они мне тебя показали, да мы бы, может, с тобой ночевали как люди – в вытрезвителе. Там с утра одежду обратно отдают, никто не лезет к тебе вскрытие делать, ещё и на работу всегда позвонят, что живой...

Я на него прямо обиделся. – Ты, – говорю, – земляк, с вечера, пока трезвый был, мог меня предупредить, что я вообще у твоей тёщи праздную? Мог или нет? Я же не знал! Я думал, что это мы с Николаем, с братаном моим, сидим у него, газеты свежие читаем перед тем как на работу пойти. А то я теперь вообще ни черта не соображаю – у кого похмеляться?

Мужик тоже обиделся и говорит: – Ну, во-первых, какой же я был тебе трезвый, когда я ещё до тёщи с Серёгой полтора литра на двоих завалил? Серёга – это мой братан. Во – парень! На ликёро-водочном работает. Но у него такое горе! Он позавчера по благу с работы ящик водки украл. А его на проходной – бац! – и тормознули.

– Не дадим, – говорят, – вынести, и всё!

Оскорбили по-всякому.

– Ворюга, – говорят, – ты несчастный. Пей, говорят, как все, на территории, а на вынос – никогда! Он мне с проходной и позвонил.

– Приезжай, говорит, выручай. Не приму я на грудь полный ящик. В него и сыграю потом.

А меня если просят выручить – то я железно! И бегом к Сереге, братану, выручать из беды!

Послушал я этого мужика, чувствую, что-то не так. Прямо всё заскребло внутри.

– А ну, – говорю, – колись, какой он из себя, твой братан, Серёга этот твой? Такой в рубашке, да? Небритый такой, а?

У мужика глаза на лоб!

– Точно, – говорит. – И штаны на нём были.

Я его тогда за грудки беру и спокойно так ему:

– И штаны, – говорю, – белые в пятнах, и помятые. И пробку он шелбаном открывает, так?

Мужик вообще в осадок весь вывалился.

– Откуда, – кричит, – ты знаешь?!

– Оттуда, – говорю, – что это Николай и есть, мой личный братан. А вы его, придурки пьяные, зовёте каким-то Серёгой. Это Николай же ящик водки с завода спёр, а на проходной его тормознули. Я его и тормознул, потому что как раз дежурил охранником через два дня на третий. Мы сели с ним за будочкой и две штуки – хрясь!

Мужик говорит: – Три, а не две. А, возможно, и четыре. Но почему я тебя не помню? Серёгу с Николаем помню, а тебя нет...

– А потому, – говорю, – что я тогда был в форме, на голове фуражка с эмблемой «секьюрити» и повязка на рукаве – «охрана»! А сейчас –то я без повязки и голый. Мама родная не узнает. А ты тем более.

Мужик посмотрел на меня и говорит:

– Правильно, вспомнил. Я ж тебя с собой к теще из-за повязки и позвал. Говорю: – Выпьешь, сунь повязку «охрана» ей в нос, эмблему «секьюрити» туда же и кричи: «Вы арестованы! И посажены в тюрьму пожизненно. Шагом марш в тюрьму!»

– Может сгоняем обратно в этот долбаный морг? Пусть там хоть трусы отдадут, вампиры...

Ну, дурак – дураком. Жизни не знает. Они же трусы сразу описывают и по акту сдают в «секонд- хэнд».

Сели в автобус, поехали. Я к братану моему Николаю. А мужик этот к своему братану, к Серёге. Братан наш за проходной так и сидел. И ещё шесть штук у него осталось. Один разве много выпьешь?..

Ну, прогрелись после морга хорошо и пошли на мою родную проходную звонить такой-то матери такой-то жены этого мужика.

Сам мужик, дурачок ненормальный, таким сладким голоском с тещей, как после операции на мозгах:

– Ну и шутки у вас, – говорит, – Марьиванна.

ТЬфу!

А я, молодец, трубку у него отобрал и как дал ей, заразе:

– Вы, говорю, – арестованы! Сдать оружие! И в тюрьму пожизненно шаго-ом марш!

А чего с бабами долго разговаривать?! Все, блин, беды от них!..

Дуракам всегда везёт

В субботу Васяткин всегда читал газету. Если рано просыпался, успевал купить престижную, «Свисток», например. Но чаще опаздывал и брал уж то, что оставалось: когда «Аргументы и факты» или, когда уж совсем не везло – «Вечерние новости». В этих случаях он так искренне огорчался, что слабонервная киоскёрша не выдерживала и давала ему из-под прилавка дефицит похлеще «Свистка» – местную газету «Впереди авангарда», которую свободно можно было купить только на чёрном рынке, да и то за валюту.

В эту субботу Васяткин снова проспал и «Свисток» расхватали.

– Люди прямо как с ума пососакаивали, – сказала баба Катя, подавая спрятанную в «коммерческие новости» местную газету. – Они, понимаешь, с пяти утра за «Свистком» очереди! А самые шустрые вовсе спать не ходят для верности. Так тем даже «пластилиновая скульптура» иногда перепадает и «Блокнот мелиоратора».

Васяткин дал киоскёрше, как обычно, рубль сверху, выбросил за углом «новости» в урну, а «Впереди авангарда» сунул под рубаху, от завистливых глаз подальше, и побежал домой.

– Ну? – крикнула супруга Нина Петровна с кухни. – Достал?

– Пятёрку переплатил, – устало сказал Васяткин. – Это ж такая мафия!

– На хорошее дело не жалко, – успокоилась супруга. – Пусть подавятся.

Васяткин покрыл полированный стол скатертью, положил на неё газету, потом надел выходной костюм и сел читать. К обеду он осилил три статьи. Одна была про ветерана труда Мухина, который за тридцать лет ни разу не опоздал на работу, за что был награждён путёвкой в санаторий, где лечат нервы. Вторая статья сообщала о судебном процессе над продавцом Сидоровым, обсчитавшем покупателя сразу на шесть копеек, а в третьей слесарь Крюков подробно рассказывал о том, как ему удалось усовершенствовать червячную передачу от маховика на редуктор.

– Кипит жизнь, мать! Кипит, зараза! – радостно воскликнул Васяткин и собрался было пойти перекусить перед обедом, как взгляд его натолкнулся на заголовок: «Повезло, так повезло!»

– Дуракам всегда везёт... – хмыкнул Васяткин и начал читать. Ровно через минуту он отчётливо сказал: «Ни черта себе!», после чего потерял сознание и рухнул со стула.

Супруга Нина Петровна полчаса била его по щекам и таким образом отомстила за свою тяжёлую женскую долю, но в чувство Васяткина всё же привела.

– Теперь все они у меня во где! – слабым голосом высказался розовощёкий Васяткин. – Читай, мать!

Заметка сообщала: «Вчера в центральный сбербанк города Айлюютинска пришёл счастливый обладатель лотерейного билета № 37821 серии 016, служащий «Райкрайоблгорсельконторы» Васяткин Борис Васильевич. Он выиграл автомобиль «Газ-24»! Присоединяясь к радости товарища Васяткина, добавим, что это уже вторая его крупная удача за последнее время, так как совсем недавно он, вскапывая огородный участок на даче своей тёщи Трубецкой З.Х., нашёл клад и, передав его государству, получил большое вознаграждение.

– Почему лотерейку утаил, змей? – поинтересовалась супруга страшным шёпотом, от которого тонко взвизгнула хрустальная ваза в серванте.

– Какую лотерейку? – хихикнул Васяткин. – Не было у меня никакой лотерейки!

– А «Газ-24» откуда?

– Ты что, читать не умеешь? – сказал Васяткин с издёвкой. И снова сунул жене газету. – Наша пресса – сама правдивая пресса в мире! Раз написано выиграл, значит, выиграл! А в нюансах пусть уж сами ковыряются.

Он взял паспорт, спрятал газету под рубаху и пошёл в сбербанк.

– Н-да... – почесал затылок управляющий. – Хохма!

– Хохмв в «Крокодиле» печатают, – вежливо сказал Васяткин. – А это – наша серьёзная газета. Вы что, печатному слову не верите?

– Ну, а билета-то у вас нет... – трепыхнулся управляющий.

– А вот тут уже ваши проблемы! – Васяткин грустно усмехнулся. – Человек выиграл «Волгу», об этом знают тысячи ни в чём неповинных граждан, пионеры, наверное, уже поставили пригласить этого счастливого на сбор, а его, извините, даже билетом вовремя не обеспечили. Интересно, что по этому поводу ваше начальство скажет?

– Ладно, – сказал управляющий и зачем-то поглядел газету на свет. – Чёрт с вами. Тем более, что билет совершенно случайно купила наша кассирша. Но мы его отдадим вам. К тому же она случайно три «Волги» выиграла. Подождёт до следующего тиража, не треснет.

Он вышел и скоро вернулся с билетом.

– Завтра оформлю всё как полагается, пообещал Васяткин, сверив серию и номер по газете, и поехал к теще на дачу. Мартовское солнце съело весь снег на тещином огороде, но землю не отогрело. Васяткин вынес из дома всю дачную мебель, разобрал веранду с крыльцом, порубил всё это на дрова, и стал жечь костры, чтобы легче копалось. До темноты он углубился в грунт по колено, а к утру перепахал участок полностью. Но никакого клада не нашёл.

– Невероятно! – поразился Васяткин и ещё раз перечитал заметку в газете. Там всё было по-старому.

– Но не мог ведь я уже сдать клад государству раньше, чем его выкопаю...

Вскоре приехала теща, но нисколько не помешала, так как сразу же брякнулась в обморок. От полноты разнообразных чувств. А Васяткин к полудню перелопатил огород ещё раз с тем же успехом.

Тогда он оставил теще записку: «Мамуля, мой скромный труд не стоит благодарностей!» и рванул в редакцию.

Редактор внимательно изучил заметку, проверил паспортные данные Васяткина, и сказал устало, как положено редактору солидной газеты:

– Что вас не устраивает, товарищ?

– Как что? – попёр Васяткин. – Сказано – нашёл клад. А его там и близко нет! Но вы ведь не западная пресса, чтобы так дурить читателей?

– Извиняюсь, – сказал редактор ещё более устало. Взял газету и стал с любопытством её разглядывать: – Вы, милый, где взяли этот номер?

– В киоске, где ещё... – Васяткин отвернулся.

– Так вот, с киоском и разбирайтесь! – редактор захохотал и стал крутиться в кресле. – Газета-т, глядите, за послезавтрашнее число. Мы её ещё не выпустили, понятно? Завтра с утра копайте. Завтра клад найдёте. А послезавтра, в понедельник, заметка как раз и появится. Всё логично.

– А как же лотерейный выигрыш? – обалдел Васяткин. – Сбербанк мне его уже подтвердил.

– Не знаю, не знаю, – отмахнулся редактор. – Розыгрыш тиража тоже завтра. Во Дворце первопроходцев.

Весь следующий день Васяткин работал на огороде и клад всё же нашёл. Правда, деньги оказались наши – червонцы да четвертаки. Да к тому же выяснилось, что закопала их сама теща, уходя на пенсию из ресторана «Вишенка». Но он всё равно сдал его государству, а вознаграждение за клад сунул в банку и снова зарыл, но дома, в кадке с пальмой.

Кое-как дожил Васяткин до понедельника и с огромным трудом выпросил у бабы Кати «Впереди авангарда». Пришлось взять в нагрузку весь комплект неликвида: «Российский колокол», «Литературку», «Аргументы», «коммерческие новости» да ещё какой-то там «Новый мир»... Забежал за угол, развернул газету и обомлел: заметки «Повезло так повезло» не было нигде!

До позднего вечера он изучал газету, перелистал на всякий случай «Литературку» и «Новый мир», но заметка как в воду канула. Около полуночи в дверь позвонили. Пришёл управляющий Сбербанком.

– Гони билет, – сказал он с хамской интонацией. – А то душу выну!

В полночь Васяткин сидел на кухне, пи чай и убеждал свою Нину Павловну:

– Я ж тебе, мать, говорил: кругом мафия! Чёрта с два что-нибудь поймёшь! Такое закрутит – волос дыбом!

Хорошо, что супруга уже давно почивала в спальне и всей этой чепухи не слышала...
Живите долго

Сейчас обозначилась крупная проблема. Очень многие граждане стали изъявлять сильное желание долго жить и в итоге скончаться очень нескоро, причем молодыми и красивыми. Но большинство из них не знает – как это сделать и от того крепко мучается. Некоторые от переживаний даже досрочно помирают. А те, кто ещё не успел, продляют свою жизнь кто как может, и кому что подсказывают внутренний голос, и тётки из телевизора..

Ничего хорошего из этого, граждане, не выходит. Вот, допустим, типичное трагическое последствие моды на потребление витаминов: одного стареющего тридцатилетнего менеджера солидной компании послали осенью со всей солидной компанией помочь государству убрать простую негосударственную редьку на полях одной, не менее солидной, дружественной государству фермы.

Там он впервые столкнулся с демократичной возможностью открыто съесть все витамины в любой редьке совершенно бесплатно сколько сможет. Он трое суток подряд с небольшими часовыми перерывами на туалет продлял жизнь с помощью свежайших витаминов и к рассвету четвертого дня съел почти шестую часть неплохого урожая, чем сильно подкосил здоровье и подсократил жизнь хозяина фермы, а также главного агронома, но зато свою собственную так крепко укрепил, что потом еще целый день настойчиво и убедительно приказывал всем долго жить, а к вечеру всё – таки приказал.

А вот вообще совсем свежий пример: Один писатель, создававший только бессмертные произведения, решил жить рядом с этими произведениями по возможности почти столько же. Он выловил в интернете, что далеко в горах живет некто Муратбек-ага, или угу, которому недавно стукнуло 187 лет. Писателю, естественно, захотелось узнать секрет долголетия, открыть его в очередной бессмертной книге всему сразу миру, и хотя бы таким способом остаться жить вечно в памяти благодарных потомков.

Он двадцать пять лет скитался по всем горам, какие есть на карте, в поисках Муратбека-аги, он облазил всё, в одиночку покорил три семитысячника, насмерть бился лбами с семьей горных козлов и победил, трижды его кусал за ногу снежный барс и неоднократно, но без травматических последствий, клевали в талантливую голову орлы и с надеждой приглядывались к его перемещению грифы. Наконец возмужавший и загоревший, помолодевший лет на тридцать и страшно мудрый от испытаний, он наткнулся на дряхлого старика, обозревавшего с вечно камня ближайший кишлак. Старик обозревал кишлак с закрытыми глазами и при этом убедительно, в меру старческих сил, храпел.

– Я ищу Муратбека –ага, которому 187 лет, – разбудил его писатель, теряя последнюю надежду и, заодно, силы.

– Тебе повезло, джигит,– на чисто русском языке сказал, старик, не прекращая храпеть и спать. – Ты встретил самого Муратбека-агу. Только мне, айналайын, не 187 лет, а почти 260, а, возможно, уже где-то 320. Время быстро летит, дорогой, а в связи с тем, что люди всё равно так долго не живут, после второй сотни я уже не считаю.

– Но неужели зря скакал я по скалам полжизни за Вашим секретом, ага?! – зарыдал писатель. – Скажите ради потомков – что надо делать, чтобы жить так долго!!

– Лично я – сказал древний Муратбек –ага, – сохранил себя тем, что ещё двести лет назад полностью отказался не только от спиртного и табака, но и от еды вообще. Главное – начать. Первые сто лет непривычно, зато потом уже легче.

Писатель спустился с гор и сначала испытал метод на себе. Но как только он бросил пить – его на всякий случай тут же исключили из Союза писателей за неадекватное поведение и

противопоставление себя дружному писательскому сообществу. Когда он бросил курить, его настиг инфаркт.

– Разве можно Вам, батенька, при такой профессии дышать чистым воздухом! – сказали ему в реанимации – Вы с ума сошли!!

Тогда, наконец, он бросил есть. Через два месяца супруга писателя установила на его могиле мраморную плиту с надписью: «Жаль, Коля! Пропало столько продуктов!»

Создали комиссию, которая изучила все прошлые медицинские анализы усопшего и установила, что он легко и непринужденно мог бы писать книжки лет до 120, если бы не лез ни в какие авантюры. Оказалось, что секрет долголетия писателю открыл вовсе никакой ни Муратбек-ага, а некто Кусаинов, чабан бывшего совхоза « Ни свет, ни заря», который как раз в это время доползал домой из районного вытрезвителя.

– Наш Кусаинов, – рассказал комиссии бывший директор бывшего совхоза, – вообще большой шутник с детства. А выглядит он в свои сорок два года, действительно, лет на сто шестьдесят, поскольку активно злоупотребляет.

Умные люди говорят: хочешь долго жить – двигайся. Причем не хаотично, а в соответствии с научными рекомендациями. Но ведь кто заповедь соблюдает? Кругом – сплошная самодетельность. Ритмическая гимнастика появилась, помните, еще до фитнеса?! Пенсионеры, те так прямо мгновенно озверели – Ура. Эликсир жизни! По улицам ходят в полосатых гетрах, в автобусах норовят на шпагат сесть. Все какие-то беспокойные, какой-то двусмысленный блеск в глазах, а лица у всех такие счастливые, будто до ста лет они уже дожили без единой царапины и любимое занятие у них – крутить сольто.

Ну, эти как раз будут долго жить. Они из автобуса домой приходят, гетры и трико сразу прячут подальше в шкафчик и до следующего забега по автобусам в руки их не берут. Потому, что понимают: мода – модой, аэробика, может, жизнь и продляет, но кости лучше беречь вязанием и приготовлением борща. Что жить в покалеченном шпагатами и сольто виде, может, и долго будешь, но жить будет тяжело.

Вон, домохозяйка одна захотела мужу показать, как она сильно помолодела телом благодаря упражнениям. «Ласточку» сделала – ничего, только заскрипело в ней всё сверху донизу. Муж говорит: – Всё, больше не надо. Я тебе на слово верю.! Так она от радости тут же в «мостик» согнулась. Второй год пошел – так и стоит. Невропатологи пробовали разогнуть, травматологи, даже хирурги – фиг! Бесполезно. А терапевт обстучал её всю и сказал, что здоровье от упражнений у неё стало действительно железное, и что если её поставить в уголок, чтоб не мешала, то лет тридцать – сорок она спокойно так простоит.

А сколько вокруг секретов молодости темного народа крутится – страшное дело. Ух, что творят!!! Пустили слух, что мясо сокращает жизнь. Граждане перепугались, от мяса шарахаются, к мясному отделу даже по приговору Верховного суда не заставишь подойти... Несчастные продавцы взмолились: – Да что ж нам теперь, самим его есть?!

А потом еще другие пошли слухи. Что жизнь сокращает совсем даже не мясо.! А стрессы! Ну, нервы – по- простому. Мол, если орать друг на друга перестанем, а также не будем друг друга подсиживать, подначивать, издеваться друг над другом, хамить, сплетничать и с чужими мужьями кокетничать, а также чужих жен с праведной жизни сбивать, то нервы у всех будут как хорошая строительная арматура, и жить все станут без всякого фитнеса тыщу лет, как дерево баобаб!

Граждане – то сперва на баобаб клюнули, но потом быстро протрезвели: это ж на кой черт нужно – целую тыщу лет маяться без самых любимых и главных в жизни радостей!!

То есть, перед медициной и наукой теперь стоит труднейшая задача: чтобы всё оставалось как есть, но чтобы при этом прибавлялось долгожителей. Как это сделать?

Интересное открытие, возможно даже открытие века, сделал молодой пока ученый Борис Барбосюк. Всем известно, что наша парфюмерная промышленность выпускает плохо востре-

бованный крем «Молодость». Так вот ученый Барбосюк предложил не мазаться этим кремом, так как всё равно бестолку, а употреблять его внутрь. По три столовых ложки три раза в день вместо еды. Эффект – потрясающий! Полтора месяца назад была создана группа добровольцев из будущих долгожителей. Первые результаты, граждане, очень обнадеживают. Прямо-таки стопроцентно.

Все добровольцы до сих пор живы и даже самостоятельно переворачиваются с боку на бок, не смотря на мрачные и ехидные ухмылки скептиков. Правда пока добровольцы довольно сильно мучаются, но это ничего. Это только первые сто лет трудновато. А там – само пойдет!

Зазвонил телефон

– Ну, – сказал Сидоров и откусил от бутерброда. – Слушаю...

В трубке щёлкнуло, пискнуло, треснуло, и хриплый голос произнёс:

– Алло, это Земля?

– Ну, – сказал Сидоров, откусывая вторично. – Земля. Квартира. Сидоров.

– О! – закричал хриплый голос во весь голос, – Ура! Земля! Есть контакт. Клянусь крабовидной туманностью! Наконец-то! Да здравствует разум!!!

– Да здравствует, – сказал Сидоров без восторга и откусил от бутерброда в третий раз. – Это ты, Плащевич?

– О! – продолжала радостно верещать трубка. – Свершилось! Теперь Бета Водолея и Земля – сёстры! Теперь мы вместе пойдём к вершинам познания Вселенной! Закрыта ещё одна пропасть между Бетой Водолея и соседним миром, ура!

– Ну, – согласился Сидоров и съел бутерброд окончательно. – Закрыта. Приезжай, Плащевич. Хватит с ума сходить... Где ты?

– Я же объяснил! – занервничал голос. – На связи Бета Водолея. Мы преодолели всё, что только можно было преодолеть, и вошли с вами в контакт! Ура! Но прилететь пока не можем. Не на чем пока... Но мы счастливы, что... В общем – свершилось, и теперь мы вместе пойдём...

– Слушай, Плащевич, – сказал Сидоров. – Повиси минутку на проводе, я сейчас.

Он пошёл на кухню. Отрезал хлеба, намазал сверху маслом, полил бутерброд вареньем и вернулся к телефону.

– Давай, поехали, разрешил Сидоров и откусил от бутерброда. – Куда мы пойдём?

– Я ведь уже говорил, – прохрипел голос, – к вершинам... этого... Разума и...

– Ты, случаем, не от Бабадусина звонишь, змей? – спросил Сидоров, откусывая. – Точно!

Раз приехать не можешь, значит, от него...

В трубке стало тихо. Потом дрожащий голос произнёс:

– Простите, а это Земля?

– Да, Земля, Земля, ёлки-бутылки! – запсиховал Сидоров и проглотил остаток бутерброда, не откусывая. – Говорил тебе – не ходи к Бабадусину! Ишь, как он тебя... Как ещё только телефон мой не забыл... Так ты едешь, или мне одному начинать?

– Мы пока не можем прилететь, – сказал голос вяло. – Пятнадцать световых лет... Горючего не хватит... Мы решили, что пока хватит телефонного контакта... Ура!

– Ну вот я сейчас тебе налью, – съехидничал Сидоров. – А ты и выпей... По телефону, Водолей!

Он бросил трубку, пошёл на кухню, намазал маслом хлеб, полил вареньем и беспокойно откусил.

Дежурный по станции внешнегалактических связей на Бета Водолея Анунэзоавы услышал короткие гудки и закричал хриплым голосом:

– О, горе! Связь с Землёй пропала! Столько лет труда, столько сил, все надежды! Всё пропало...

Он уронил голову на грудь и зарыдал.

Сидоров съел бутерброд и задумался.

«И чего я дружу с этим Плащевичем? – думал он сурово. – И денег у него вечно нет, и шутки плоские...»

Крокодил взлетает в полночь

Двадцать пятый век. Год, допустим, 2484. Киностудия. Заседает худсовет двести четырнадцатого творческого объединения, которое специализируется на фантастике.

– Коллеги! – волнуется вслух директор объединения, – У меня важное сообщение. Час назад нам разрешили начать работу над картиной «Ёлки-палки» по сценарию нашего знаменитого фантаста Вадима Папакарлова. Сюжет обращён к давно минувшим временам. Фантастика в стиле ретро! Это, коллеги, нестандартно и свежо... Как там у Папакарлова: «Пятьсот лет назад в непроходимом лесу заплутал охотник Василий Сысоев. Смеркалось. Чужая темень, надсадно заушали крылатые хищники – воробьи, и с воем забегали туда-сюда, сшибая по недосмотру вековые баобабы, жуткие десятитонные зайцы. «Ишь ты, – ласково подумал о них охотник Сысоев, – расшалились, поросята». При тусклом свете молодой луны Сысоев нарвал среди густой травы упругих ароматных карасей, затем влез на столетнюю землянику, поужинал и задремал». А!? Аж мороз по коже, до того фантастично.

После этих слов без спроса вскочил побледневший режиссёр Эльмир Тарзанов и, прижав пальцем дёргающуюся бровь, сказал:

– Коллеги, братья по жанру. Я понимаю, что мне от этого фильма не отвертеться, раз уже утвердили смету. Я глубоко ценю Вадима Папакарлова за безупречное знание жанра фантастики. Но это уже третий сценарий в стиле ретро, и я не выдержу. Первую картину «Шумел камыш» зритель не принял. Мы ухлопали полгода на поиск консультанта, который знает, как этот самый камыш выглядел, но после того, как консультант получил гонорар и уехал, выяснилось, что он подsunул нам вечнозелёное растение кактус, которое наши предки выращивали высоко на болотах, исключительно ради ярко-оранжевых плодов под названием огурцы. Опыт, конечно, меня выручил. Мы сделали фильм «Шумел кактус», но при этом пострадали сам исправленный сценарий, так как мне, например, не удалось достоверно снять эпизод: «Людмила со словами – «люблю побегать по зарослям шумящего кактуса» – остаётся в купальнике и, радостно смеясь, бросается в кактусовое царство».

Правда, артистка З.Буклетова честно отработала два дубля, после чего уже второй год амбулаторно посещает травматологическую больницу, где из неё извлекают колючки. От дальнейшего участия в съёмках её пришлось отстранить, поскольку в важном эпизоде, где «Людмила садится и небрежно закуривает», З.Буклетова категорически отказалась садиться.

Теперь о новом сценарии. Я, коллеги бился и бьюсь хоть за фантастический, но всё-таки реализм. Зритель должен получить правдивое отражение такого удивительного явления древних времён, как животный и растительный мир. А что я, как режиссёр, имею для отражения?

Начнём с названия будущего фильма «Ёлки-палки» – это смело и экзотично. Но, простите, кто из нас, включая уважаемого сценариста, видел живую ёлку? Правда, я слышал, что приблизительно в двадцатом веке они гнездились большими стаями в горах, а к зиме косяками

улетали на юг. Но и тут важно знать – какие у них были двигатели и что за топливо они использовали, так как зритель не терпит приблизительности...

Дальше. По сценарию охотник Василий Сысоев рвёт в траве упругих и ароматных карасей и ночует на столетней землянике. Ну, допустим, траву я сниму. Я её видел в одном архивном фильме. Это почти то же, что у нас делают из полиметилэтилацетилбутандиен феноланилина, но только зелёного цвета и похуже качеством. Причём, в этом фильме она торчала прямо из земли, что, конечно же, неправдоподобно. Ну, да ладно... А как быть с карасями? Я, правда, выяснил у историков, что этот овощ в старину назывался «рыба» и урожай его собирали специальным старинным инструментом – удочкой! Тогда позвольте узнать у сценариста – что это за инструмент такой и почему охотник Сысоев, нарвав карасей руками, должен вводить в заблуждение доверчивого зрителя?

И, наконец, о самом трудном. Кто будет играть десятитонных зайцев? Допустим, я уговорю талантливого актёра Прикусаева. Он уже играл зайца в историческом фильме «Крокодил взлетает в полночь». Но ведь и там не обошлось без неточностей. Учёные считают, что тело зайца было защищено от врагов панцирем, а оружием ему служили метровые рога и хобот. Так вот на съёмках актёр блестяще сыграл зайца, этого чудовищно свирепого царя так называемых зверей, но ни учёные, ни, тем более, представители кино не сумели достоверно описать хобот, и его пришлось заменить лазерным пистолетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.